

Константин Ерусалимский

«ИЗМЕННЫМ ОБЫЧАЕМ»: ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЕ В РОССИИ*

В последние годы в исторической науке значительно повысился интерес к служебному предательству в восточноевропейских обществах позднего средневековья. Вместе с тем Русское государство, не нуждавшееся вплоть до середины XVII века в фиксированной системе санкций за измену, с трудом поддается изучению. Среди исследователей нет единого мнения о времени возникновения и направлениях развития категорий подданства и измены. Разработанная российской «государственной» исторической школой и развитая советской историографией 1930–1950-х гг. теория смены феодального права перехода «слуг вольных» от одного сюзерена к другому государственным принудительным подданством была пересмотрена в позднейшей, в том числе советской, историографии по нескольким причинам. Схема «государственной» школы, прежде всего, преувеличивает значение в русских обществах до XV в. тех правовых институтов, которые в историографии принято считать феодальными: вассально-ленные отношения между князьями и их служебниками различного ранга, вотчинный характер собственности знати на землю, право служебника на перенос земельного владения при переходе от одного князя к другому. Существование института «выезда» доказывается ретроспективно на основе, с одной стороны, княжеских договорных грамот, в которых запрещается и только предположительно отменяется некогда допустимый переход слуг на новую службу, и, с другой стороны, поздних, не ранее конца XV в., крестоцеловальных записей служебников, дававших при поручителях обязательство служить своему государю и не уезжать от него в иные земли.

В московском обществе XV–XVI вв., согласно той же историографической традиции, с особой остротой выявились противоречия между феодальным и государственным «началами». Феодальные тенденции, как полагают при этом, выразились в противостоянии церкви, уделов и «княжеской олигархии» централизаторским великокняжеским силам, в число которых зачисляются, помимо самих великих князей, чиновничество, дворянство, опричнина

* Исследование выполнено при поддержке Фонда Королевы Ядвиги Ягеллонского Университета (Uniwersytet Jagielloński. Fundusz Królowej Jadwigi). Проект: «Московиты на королевской службе в годы Ливонской войны (1558–1583)» (апрель – май 2006 г.).

и симпатизирующие «централизации» публицисты. Как оказалось в ходе дискуссий второй половины XX в., противники объединенного государства и государственного «начала» являются историографическими условностями, в одних случаях полученными из категорий властного дискурса XVI в., в других – из социологических конструкций второй половины XIX–XX в.

Освальд Бакус посвятил специальную статью понятию «измена» в связи с историей эмиграции московской знати в Великое Княжество Литовское. По мнению автора, «новое» понимание измены складывается в России в текстах, осуждающих нарушение крестоцеловального обряда (наиболее ранний пример – послание духовенства против нарушения в 1446 г. клятвы князя Василия Шемяки поддержать Василия Темного). При этом «в качестве модели для Московии» послужило литовское законодательство об изменниках, возникшее в документах Городлянской унии 1413 г., хотя понятие *измена* в ВКЛ применялось главным образом в отношении перебежчиков военного времени и «медленно входило в общее употребление, причем явно неохотно называли изменниками тех, кто просто перешел в Московию»¹. В отношении тезиса о развитии в России государственного «начала» О. П. Бакус занимает умеренную позицию и признает, что понятие «измена» тесно связано с отменой права знати на отъезд, вызванной усилением московской великокняжеской власти и формированием представления о нелояльности.

В качестве аргумента в пользу устойчивости удельной системы исследователь ссылается на попытки кн. С. Ф. Бельского при поддержке турецкого султана Сулеймана Великолепного получить власть над своей «отчиной» и «дедизной» Бельском и Рязанью, которые, по словам Бельского, были отобраны у его отца и матери. Эти слова, как признает сам же О. П. Бакус, были частью политической авантюры и вряд ли содержат, хотя бы косвенные, признаки удельной идеологии. При этом никакой подобной идеологии О. П. Бакус, вслед за С. Б. Веселовским и Б. Норретрандерсом, не обнаруживает уже в самосознании кн. А. М. Курбского, однако считает все же возможным, что присвоив себе титул князя Ковельского и вступая в судебные тяжбы на Волыни, Курбский «мог психологически поступать так, как можно было бы ожидать от удельного князя»². Осторожное двойное сослагательное наклонение затрудняет дискуссию, хотя и присвоение титула «князя Ковельского», или «князя на Ковлю», и судебные тяжбы вокруг Курбского и его имений могли бы быть объяснены и без реанимации тезиса о его удельном самосознании, или «удельно-княжеской психологии»³.

¹ *Backus O. P.* Treason as a Concept and Defections from Moscow to Lithuania in the Sixteenth Century // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1970. Bd. 15. P. 124.

² *Ibid.* P. 120, 126, 135 ff.

³ Литература и наши соображения по этому вопросу приведены в: *Ерусалимский К. Ю.* Историческая память и социальное самосознание Андрея Курбского // *СОЦІУМ. Альманах соціальної історії*. Київ, 2005. Вип. 5. С. 225–248.

Иной угол зрения на проблему государственной измены в России Ивана Грозного представила Инге Ауэрбах. Германская исследовательница показала в хронологической последовательности, как влияла шпиономания и борьба с изменой на эмиграцию из России начиная с 1564 г. и особенно после «дела Ивана Козлова» (1567) и «дела Петра Волынца» (1569)⁴. Поиск внутреннего заговора был для московской власти частью войны с внешним противником, а при необходимости царь пользовался происками шпионов, изменников, тайных заговорщиков как предлогом для террора и карательных мероприятий «на вся видимыя и невидимыя враги». С другой стороны, литовская разведка времен Ливонской войны, как показывает И. Ауэрбах вслед за Ю. Бардахом, была в состоянии проводить значительные по охвату операции на территории и в войске противника, в Ливонии и в иных приграничных районах. Численность шпионов при этом достигала 60–80 человек в год, а кроме них источником информации о внутреннем положении в России служили показания дипломатов, купцов, перебежчиков, «языков» и пленных⁵. Заговорщическая деятельность и борьба против фиктивной «измены» настолько трудно различимы в России Ивана Грозного, что необходимо каждое обвинение в шпионаже и подозрение в предательстве проверять из перспективы «другой стороны».

Исследования И. Ауэрбах открывают новый аспект истории российской государственной идеологии второй половины XVI в. Отношения царской власти и оппозиции, участие иноземных разведывательных служб в организации переворота в России и царская контрразведка требуют гораздо более динамичного и строгого аналитического языка, нежели тот, который был предложен социологией XIX в. и предполагал выявление групповых интересов и самих групп, которые, как надо было думать, стремились к осуществлению однообразных программных «целей». Для полноты картины роль Польско-Литовского государства в политических процессах России можно было бы сопоставить с тем, как была организована российская разведка и что знали об этом в Кракове и Вильно. При этом намечены перспективы историко-демографических, лингво-политологических, социально-психологических методов в изучении ментального мира обществ, общественных групп и отдельных личностей, живущих на длительном чрезвычайном положении и вынужденных выбирать между государственной идеологией и «изменой».

Такой выбор не был легким не только для жителей России. Исследования Иеронима Грали показывают, что православное русскоязычное население Великого Княжества Литовского считалось с перспективой вхождения в состав Московского государства, а польская и литовская элита использовала

⁴ *Auerbach I.* Ivan Groznyj, Spione und Verräter im Moskauer Russland und das Grossfürstentum Litauen // *Russian History*. 1987. Spring–Winter. S. 7–14.

⁵ *Ibid.* S. 15 ff.

фактор московской угрозы в обсуждении вопроса об унии⁶. Неустойчивость государственного статуса Литвы приводила к многочисленным трудностям в отношениях Речи Посполитой и России: российский царь и польские короли питали сходные надежды на инкорпорацию противника, проводили внутри-государственные реформы с целью привлечь ближайшего соседа и, соответственно, отдалить его от противника, практиковали тайные посулы и угрозы, подкуп, приватные переговоры⁷. Особенный интерес с точки зрения представленной здесь темы представляет тот факт, что на территории ВКЛ в годы Ливонской войны образовались значительные поселения выходцев из России, которые один исследователь с долей преувеличения назвал «беспорной великорусской колонизацией»⁸. Изучением поселений и культурной жизни этих перебежчиков долгое время историки почти не занимались, обращая внимание почти исключительно на творчество князя А. М. Курбского⁹. Поэтому крупным достижением стало монографическое исследование И. Грали, на примере печатей поднявшего проблему социальной адаптации и аккультурации московских эмигрантов в Речи Посполитой¹⁰.

Историко-терминологический анализ понятий подданства и предательства в России до середины XVI в. намечен в серии статей П. С. Стефановича, который останавливается на религиозном аспекте отношений между князем и подданным в средневековой Руси. Исследователь не признает воздействия феодального права на крестоцелование и договор о службе, а рассматривает представления о верности государю в категориях религиозной культуры. Автор принимает тезис о преемственности в идеологии подданства от Древней Руси к России XVI в.¹¹

⁶ *Grala H.* Kołpak Witoldowy czy czapka Monomacha? (Dylematy wyznawców prawosławia w monarchii ostatnich Jagiellonów) // *Katolicyzm w Rosji i Prawosławie w Polsce (XI–XX w.)*. Warszawa, 1997. S. 51–67; *Idem.* Rutheni vs. Moschi: elita ruska Wielkiego księstwa Litewskiego wobec wojen Moskiewskich w XVI w. // *Наш Радавод. Гродна; Беласток, 1999 (2000)*. Кн. 8. S. 34–51.

⁷ Этим вопросам посвящено множество специальных работ, из которых назовем здесь лишь несколько крупнейших: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978; *Wisner H.* Król i car. Rzeczpospolita i Moskwa w XVI i XVII wieku. Warszawa, 1995; *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. Warszawa, 2002; *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.

⁸ *Довгялло Д. И.* Предисловие // *Опись документов Виленского Центрального Архива древних актовых книг*. Вильна, 1909. Вып. 7. С. VII.

⁹ Один из разделов книги Марека Плевчинского посвящен, главным образом, вопросам военной службы и лишь в общих чертах затрагивает вопросы социально-культурной жизни московских воинов в Речи Посполитой: *Plewczyński M.* Ludzie Wschodu w wojsku ostatnich Jagiellonów. Warszawa, 1995.

¹⁰ *Grala H.* «Ex Moschouia ortum habent». Uwagi o sfragistyce i heraldyce uchodźców moskiewskich // *Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. Nowej Serii*. Warszawa, 1999. T. IV (XV). S. 101–130.

¹¹ *Стефанович П. С.* Древнерусское понятие чести в памятниках литературы домонгольской Руси // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2004. № 2 (16). С. 63–87; *Он же.* Отноше-

Проблема «измены», как представляется, может быть рассмотрена в более широкой перспективе в связи с формированием в России посольского ведомства и тесно связанных с ним социально-культурных категорий, воплотившихся в хронографической истории, политическом богословии, имперских идеалах и военной этике. Я в настоящей работе концентрирую внимание на периоде с середины XVI в., когда, как будет далее показано, оформился комплекс категорий, которые происходят из религиозного тезауруса, однако конструируют представление, согласно которому государство является нарочито светским по компетенции и вместе с тем требует от подданных близкого к религиозному посвящению государственного патриотизма. Ряд вопросов остается в данной работе только в первичных набросках, однако некоторые из них даже не поднимались в историографии и в будущем должны быть всесторонне изучены. Существовало ли, например, взаимовлияние российских и европейских или азиатских представлений о политическом предательстве? Как защищали «изменники» свое честное имя? В каких случаях применялось обвинение в измене и в каких случаях могло быть снято? Как воспринимались в России сведения о предательстве высшей власти?

Служилый человек и его противоположность в лице государева изменника сформированы в России особым культурным режимом, который можно было бы представить вслед за Мишелем Фуко как результат *великого закрытия*. Царю в этой системе принадлежит право отделять овец от козлищ и казнить отбившихся – изменников, злых советников и преступников. На первый взгляд, властные полномочия царя в Московском государстве в этом смысле мало отличаются от полномочий древнерусского князя. Согласно *Повести временных лет*, Владимир Святославич после крещения какое-то время колебался, в праве ли он казнить виновных и заслуживающих казни, и церковь признала за ним это право. Однако претендовал ли Владимир Киевский на то, что осуществляя княжескую власть и карая своих «подданных», он решает вопросы, касающиеся сугубо его светского «государства»? Претендовал ли киевский князь на то, что преступления его «подданных» в отношении его власти могут, независимо от решений церкви, навлечь на них обвинение в святотатстве?

Отрицательный ответ на эти вопросы может быть дан с оговорками относительно христианской традиции различения власти земной и власти небесной, однако это различие условно, когда для христианина возникает вопрос о подчинении праведному и неправедному правителю. Само понятие праведности обязывает князя выносить решения, которые не противоречат церковной демаркации между допустимым и запретным для христианского князя, и таким образом светское право оказывается лишь функцией церковного миро-

ния правителя и знати в Северо-Восточной Руси в XIV – начале XVI в.: крестоцелование как клятва верности? // Cahiers du Monde Russe. 2005. Vol. 46. N. 1–2. P. 277–284; *Idem*. Der Eid des Adels gegenüber dem Herrscher im mittelalterlichen Russland // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2005. Bd. 53. H. 4. S. 497–505.

порядка. Акценты смещаются в политическом богословии Московского царства. Иван Грозный полагал, что его подданные отдельно от царя несут ответственность за веру и за правду, но по его излюбленной цитате из апостола Иуды, за свое государственное дело на Страшном Суде отвечает сам царь, и, даже являясь праведными христианами, в адский огонь христиане могут попасть за грехи перед властью земной. Верных служилых людей спасает покаяние, а злобных церковь не должна брать под свое покровительство. Их следует казнить, и накладывать на них телесные испытания так же, как церковь по прегрешениям накладывает епитимью. В компетенцию государя попадает особое качество его людей, которое не является телом в церковном понимании. Лица, уличенные в измене, превращаются в политических грешников, выдаются государю «головой» и заслуживают телесных истязаний, какими бы ужасными они ни были по христианским представлениям. Более того, духовные лица, вступающиеся за изменников, сами оказывались под угрозой царской расправы, так как своеобразное «государственное тело» духовного лица, как и светского, подвержено изменническим помыслам.

Представление о государственном качестве подданных и государственном подданстве церкви прокладывает путь к российской социальной структуре, политическому мышлению, историческому сознанию, отражается в формах репрезентации светской власти и сказывается на повседневной жизни знати и простых людей. Изменники кратко охарактеризованы Иваном Грозным в его переписке с Василием Грязным. Как сказано в послании царя, когда «отца нашего и наши князи и бояре нам учили изменяти, и мы и вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды»¹². Курбскому царь также пишет, что в детстве он с матерью и братом был окружен недругами: «ово убо от иноплеменных язык от круг приседящих..., ово же от вас изменников беды и скорби разными видами приемлюще, яко же подобно тебе, бешеной собаке, князь Семен Белской да Иван Ляцкой оттекоша в Литву и камо не скакаше бешащися?»¹³. Изменники представляются царю сплоченной группой. Ее цель – свергнуть Ивана и «воцарити» его дядю князя Владимира Андреевича¹⁴. Устанавливая властную вертикаль и расправляясь с подозреваемыми и инакомыслящими, царь предпочитает изменникам «страдников». Быть страдниками предстояло всем, кто не хотел стать изменником, поскольку ото всех государевых холопов в равной мере востребованы «служба и правда», и в этом проявлении нет малых и великих: все перед государем одинаково малы. Столь же всеобъемлющим становится подозрение в измене. Такое впечатление вынес из бесед с царем полоцкий пленник Ян Янович Глебович, который находясь в московском плену вел разведывательную деятельность в пользу

¹²Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье; Перев. и коммент. Я. С. Лурье; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951. С. 193.

¹³ПИГАК. С. 27 (л. 312 312 об.).

¹⁴Подробно о теме измены в переписке Ивана Грозного с Андреем Курбским см.: *Backus O. P. Treason as a Concept...* P. 141–142.

Литвы и передавал туда сообщения, в чем был вынужден признаться. Когда об этом донесли царю, он бросил упрек доносителям: «zli ludzie, ażebyście byli tak dobrzy jak on; tu mieszkając mnie zdradzacie, a on więźniem będąc, wzdy ojczyźnie swej dobrze myśli»¹⁵.

Власть находила свое отражение как в истории, так и в современности за пределами своего государства. Задача посольской историографии заключалась в том, чтобы понятия «перевет», «измена», «здрада» проработать с точки зрения московских государей, а антонимы этих понятий свести к службе (данническим отношениям, судебной и военной зависимости). Понятие «измена» применялось московским посольским ведомством к внутренним и внешним врагам любого государства¹⁶. Иван Грозный убежден, что «в ыных землях израдец не любят и казнят, да тем и утверждаются»¹⁷. После событий 1569 г. власть навязывает представление о том, что изменники внутри страны и за ее пределами стремились посадить на престол старицкого князя Владимира Андреевича¹⁸. Аналогом заговору двоюродного брата царя из истории Польско-Литовского государства была выбрана борьба Ягелло с Кейстутом¹⁹. В ответе Стефану Баторию в 1581 г. царь Иван привел пример расправы Ягелло над Кейстутом и одобрительно добавил: «А кажды своее головы бережет»²⁰. В Великом Княжестве Литовском аналогией московских событий и бегства А. М. Курбского служил изменнический отъезд князя Свидригайло и его борьба против Ягелло; этот пример был тем более лестен для Курбского, что Свидригайло получил в удел Владимирское великое княжество²¹. В Швеции сторонников Юхана III московские послы признали изменниками Эрика XIV²². В переводе речи Антонио Поссевино вновь возникает это понятие: римский посол предлагает царю Ивану пропускать западных торговых людей в свои земли, потому что другие пути перекрыты, и один из

¹⁵ Herby Rycerstwa Polskiego przez Bartosza Paprockiego zebrane i wydane r. p. 1584 / Wydanie K. J. Turowskiego. Kraków, 1858. S. 844.

¹⁶ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. I. Памятники дипломатических сношений с империею Римскою (с 1488 по 1594 год). СПб., 1851. Стб. 30 («изменники» и «их пособники» короля Максимилиана в переводе речи посла Юрия Делатора от 18 июля 1490 г.), 426, 430 (князь М. Л. Глинский как «изменник господарский»).

¹⁷ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Репринтное воспроизведение текста издания 1981 г. / Подг. текста Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. М., 1993. С. 26 (л. 311 об.).

¹⁸ ПИГАК. С. 104 (л. 256 об.–257 об.); РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 10. Л. 457–457 об.; Кн. 12. Л. 278 об., 289–289 об.; Кн. 13. Л. 321–321 об.; Кн. 14. Л. 340–341.

¹⁹ РГАДА. Ф. 78 (Сношения России с римскими папами). Оп. 1. Кн. 1. Л. 270–270 об.

²⁰ Там же. Л. 270 об.

²¹ Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Примечания к IX тому. Стб. 66–67. Прим. 299. Курбский обвинялся в попытке захватить Ярославское княжество и стать независимым «Ярославским владыкой». Анализ литературы и нашу точку зрения на это обвинение см.: Ерусалимский К. Ю. Историческая память... С. 233–242.

²² СИРИО. СПб., 1910. Т. 129. С. 164.

них через империю султана, который «станетца беречи измены»²³. Пример исторической борьбы с изменой показывала знать, принявшая несложные правила идеологии подданства. В 1575 г. в местническом деле Ждана Ивановича Квашнина с Федором Ивановичем Бутурлиным Квашнин привел пример из далекого прошлого. По его легенде, его предок и верный слуга московского князя Родион Нестерович Рубец в начале XIV века разгромил тверское войско предка Бутурлиных Акинфа Гавриловича Великого, его голову насадил на копье и привез ее князю со словами: «Се, господине, твоего изменника и моего местника глава»²⁴.

Имперское толкование прав Русского государства на прилежащие территории опиралось на понятие измены. Имперский миф имел к 1550-м годам сходное звучание в отношении Казани, Сибири и Ливонии, и все эти земли в Посольском приказе были охвачены схемой политического подданства. После убийства в ноябре 1551 г. по распоряжению царя Шигалея 70 князей, уланов и мурз в Казань был послан А. Ф. Адашев, которому было предписано заявить Шигалею о казанцах: «Сам царь видит их измену, от начяла лжут государем нашим, и брата его Яналея царя они же убили и его многожды изганивали, и ныне убити хотели, чтобы укрепил город великого князя людьми рускими»²⁵. В сентябре 1563 г. в Москве был задержан сибирский посол от царевича Едигера «потому: после его приходу сибирские люди царю и великому князю изменили, дани государевы данщиком давати не учили и взяли к себе на Сибирь царевича, Едигеря князя. Государского данщика Едигерь царевичь Казанской убил»²⁶. В речи Ивана Грозного о Ливонии, обращенной к А. Поссевино, царь суверенитет («своя воля») незаметно подменяет подданством («израдили»): «А что панове говорят, что Лифлянты утеклись до королей полских и великих князей литовских, ино покаместа они в своей воле были, и они почему к ним не утекались? И как они нам израдили, и мы на них гнев свой положили и их разрушили. И они к ним утеклися. Ино во всей вселенней хто беглеца приимает, тот с ним вместе неправ живет»²⁷. Тут же во многих «израдах» царю обвинен магистр Ордена Г. Кетлер, сбежавший в Курляндию и ставший там «князцом»²⁸. Посланник в Литву В. М. Желнинский в ноябре 1565 г. должен был объяснить, что юрьевские немцы были переселены за измену и сношения с ливонским магистром, которому они хотели служить²⁹.

²³РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 118 об.

²⁴Маркевич А.И. О местничестве. Киев, 1879. Ч. I. С. 174–181; *Он же*. История местничества в Московском государстве в XV–XVII веке. Одесса, 1888. С. 235–236.

²⁵ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 68 (л. 212), 71 и сл.; 168 (л. 307), 170 и сл.

²⁶Там же. С. 323 (л. 26 об.).

²⁷РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 196 об.

²⁸Там же. Л. 197–197 об.

²⁹СИРИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 323–324.

Измена воспринимается в годы Ливонской войны как важнейшая составляющая внешнеполитических неудач России. Полоцк царь Иван захватил в 1563 г. «з Божею волею», а потерял в 1579 г. благодаря измене: «А то он [король Стефан - К. Е.] взял Полотеск ино не все рыцерством, большое израдою»³⁰. Приставленные к королю Магнусу изменники «лотры» немцы И. Таубе и Э. Крузе «хотели оманкою нашу отчину Лифлянскую землю от нас отвести», царь захотел их казнить, но они бежали к королю Стефану «и у него нынеча в жаловане и на нас ему немец наймут»³¹. Также на упрек короля Стефана, что московские войска у него отнимали ливонские города, царь отвечает: «А мы не у него города имали. Своих есмя подданных немец казнили. А в них сажали для их измены своих русских людей»³². Изменой был потерян Велиж, как писал царь Стефану Баторию: «Ино то наши израдцы, не бився, королю наш город Велиж отдали»³³. Обвинение в измене распространяется на королей, воевод, советников, слуг; изменяют царю и «земли», но лишь те, которые посольская историография рассматривает как часть государевой вотчины³⁴.

Изменники – это «злые люди», их злоба соответствует злу как таковому в его религиозном осмыслении, и конечно, человек под обвинением в измене подозревается в тайном злоумышлении, в дьявольских кознях. Он небезопасен для любого государя, и Посольский приказ в отношении перебежчика Давида Ивановича Бельского любезно предупреждает Панов Рад: «А и от вашего государя ему бежати же»³⁵. Впрочем, не всегда злоумышление или «лихое», «неправое» деяние навлекает на подозреваемого обвинение в «измене». Если «лихо» случается без измены, то выступает как случайное, неумышленное зло или косвенно злое последствие какого-либо действия. Формулировки «неправые дела», «неправые умыслы» употребляются, если речь идет о действиях, в широком смысле наносящих вред государю³⁶. Князю Владимиру Андреевичу Старицкому и его матери Ефросинье в 1563 г. по навету старицкого дьяка Савлука Иванова вменялись «многия неизправления и неправды», но обвинения в измене тогда не прозвучало³⁷. Царь внешне соблюдал различия между исполнителями и заказчиками, однако трудно представить, что уже в 1563 г. подозрения насчет замыслов старицкого князя не касались вопроса политического подданства и верности государю. Обвинение в измене было могущественной юридической фикцией, подменяющей «мотив пре-

³⁰РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 260.

³¹Там же. Л. 265–265 об.

³²Там же. Л. 199 об.

³³Там же. Л. 267 об.

³⁴Наши наблюдения над различием своих и чужих земель в Посольском приказе см.: *Ерусалимский К.Ю.* История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI в. М., 2005. С. 34–41.

³⁵РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 13. Л. 149 об.

³⁶ПДС. Т. I. Стб. 446.

³⁷ПСРЛ. Т. 29. С. 321–322 (л. 21–21 об.).

ступления» неопределенным и безграничным государевым гневом, при этом «состав преступления» определяется в каждом случае особо³⁸. Искореня измену, московские государи борются против злых помыслов своих подданных, которые можно сгруппировать, конечно условно, в несколько видов. Изменниками считались следующие лица:

1) *Кто отозвался о царе «невежливо»*. Подданство в московской культуре XVI в. было, прежде всего, организовано эстетически и ритуально. Государственная обрядность еще не превратилась во всеобъемлющий культурный жаргон с набором условностей «на все случаи жизни». Однако острый для международного статуса России вопрос государевой чести в правление Ивана Грозного испытал заметные метаморфозы в данном направлении. К государю следовало обращаться подчеркнуто комплиментарно, что проявлялось в первую очередь в нарочито униженной семейной и социальной самоидентификации («государев холоп», «государев сирота») и уменьшительных формах имен и титулов («князишко», «Петрушка») ³⁹. «Вежливость» превратилась в сферу социальной обрядности, пронизанной многочисленными табу, оговорками, канцелярскими формулами. Несоблюдение ритуала влекло за собой процессы, подобные «слову и делу государевым», которыми избилует XVII в.

«Невежливым» уже в XVI в. называлось обращение к государю или высказывание о государе, содержащее преступление против государевой чести (ср. *lèse-majesté*). Это преступление не предполагало определенной санкции, поскольку касалось лично царя и, как считалось, скрывало не только желание

³⁸ Юридическое различие «мотива» и «состава» преступления было бы анахронизмом, поскольку в России XVI в. строго разграничения между замыслом и деянием не существовало. Особенно хорошо это видно по определениям греха в Требниках. Греховные деяния совершают в равной мере физическое тело, мысли, желания и действия человека как таковые. Наконец, человек может оказаться причастным к греху даже без явного участия в греховном деянии, став – например, во сне – жертвой наваждения. Границы между изменой как деянием и ее мотивом как замыслом столь же условны и неразличимы в московском дискурсе XVI в. Однако в Посольском приказе в последние годы правления Ивана Грозного принималось во внимание различие между изменой «от неволи» или «от опалы» и изменой «своею волею», то есть в каком-то смысле допускалось, что человек может быть изменником, не желая того. Однако ни одного примера, когда установленный факт измены допускал бы чрезвычайный мотив как смягчающее обстоятельство, нам не известно. Даже в тех случаях, когда подобные обстоятельства были налицо, вариативность самого обвинения позволяла сместить акцент с одной категории измены в другую. Например, если изменник был оправдан от подозрений в заговоре или военном преступлении, то его измена могла заключаться в бегстве из страны; если таковое признавалось допустимым, то факт измены определялся участием в боевых действиях на стороне противника и т. д. (см. о «воле» в измене: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 14. Л. 341; см. также в данной работе ниже примеры протестов «изменников» против отношения к себе как к изменникам).

³⁹ См.: Berelowitch A. La hiérarchie des égaux. La noblesse russe d'Ancien Régime (XVIe–XVIIe siècles). Paris, 2001. P. 150, 175–176; Горский А. А. Русь: От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 323–331. См. также наши наблюдения за терминологией подданства в Московской Руси XVI в.: Ерусалимский К. Ю. Представления Андрея Михайловича Курбского о княжеской власти и русских князьях IX – середины XVI века // СОЦУМ. Київ, 2004. Вип. 4. С. 71–100.

нанести ему оскорбление, но и какие-то более опасные намерения⁴⁰. В процессах о «слове и деле государевых» XVII в. «невежливые слова», «невежливые речи», «невежество» в отношении государя служат основанием для подозрений в государственной измене и т. п.⁴¹ Решение по такому вопросу могло быть молниеносным, а санкции самыми непредсказуемыми: Афанасию Бутурлину 3 сентября 1545 г. урезали язык «за его вину, за невежливые слова»⁴²; Молчана Миткова, обличившего царя «посреди пиру», царь пронзил остроконечным жезлом, а доби́ли опричники⁴³.

Воздержание от «невежливых речей» попало в сферу особых забот Ивана Грозного, когда его войска начали терпеть ощутимые поражения от войск Стефана Батория. В марте 1581 г. посольству О. М. Пушкина был дан наказ: «А потому не учинити, как Петр Головин учинил. Хоти будет на посолстве станут лаять ли, говорить ли что, бить ли, а им о том говорить, чтобы дали посолство изправить. А так им не перестати, да и самим не задирати, как Петр Головин, и невежливых слов королю не говорити»⁴⁴. Высказать возмущение издевательствами над послами следовало лишь для того, чтобы объяснить неудачи прошлых миротворческих миссий⁴⁵. Упреки короля в затягивании переговоров и нарушении посольского обычая обращались Посольским приказом против польской дипломатии, и оказывалось, что «невежливо» вел себя в отношении московских послов и посланников сам король. В этом контексте появляются ссылки Посольского приказа на грамоту изменника А. М. Курбского, которую тот «изменивши» писал царю «невежливо» (речь идет о Первом послании Курбского Ивану Грозному более чем пятнадцатилетней давности)⁴⁶.

2) *Кто царю «не прямил»*. Ложь, «лесть» уже в древнерусском летописании встречается в значении, отдаленно сходном с более поздним понятием

⁴⁰ Допускалась «помощь» обвиняемому в раскрытии преступного замысла. Во время попытки ему предлагались на выбор имена тех, кто может быть изменником. В список входили лица из ближайшего окружения царя, а персональное участие царя в таких допросах свидетельствует о действенности оговора.

⁴¹ См., например: *Новомбергский Н. Я.* Слово и дело государевы: (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). М., 2004. Т. 1. С. 324. № 178; с. 421. № 235; с. 545–546. № 294; с. 561. № 305.

⁴² ПСРЛ. Т. 13. С. 147.

⁴³ ОР ГИМ. Собр. А.С. Уварова № 301. Л. 130 об.–131. Здесь и далее «История» А.М. Курбского цитируется по данному сборнику, текст которого положен нами в основу подготовленного к публикации Сборника Курбского.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 12. Л. 244 об. 245.

⁴⁵ Миссия Михаила Долматовича Карпова, Петра Ивановича Головина и Курбата Григорьевича Грамотина (май 1578 – июнь 1579 г.) была воспринята Иваном Грозным как неудача. П. И. Головин упомянут как глава посольства, поскольку М. Д. Карпов умер на пути в Россию. Посольство, по мнению царя, несло ответственность за срыв переговоров, окончившихся резким посланием короля Стефана царю от 26 июня 1579 г. и летне-осенним Московским походом его войска. О срыве миссии посланника Григория Нащокина см. также: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 12. Л. 248 248 об.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 12. Л. 288 об.–290 об. Опубликовано в: *Флоря Б.Н.* Новое о Грозном и Курбском // ИСССР. 1974. № 3. С. 142–145, здесь с. 145. Сходный текст обнаруживается в наказе посольству князя Д. П. Елецкого, Ивана Михайловича Пушкина и дьяка

измены. Злой советник заслуживает от летописцев порицания и часто сравнивается с дьяволом и бесами, однако и сам «злой совет» понимается не как ошибочное мнение, приводящее к катастрофическим последствиям, а как продуманный обман с желанием погубить своего господина. «Льстецы», которые принимают от князя или господина дары и при этом затевают его «погубление», получают определение «неистовии» и оцениваются: «Горьше суть бесов таковии»⁴⁷. Устойчивым в русских княжествах, по крайней мере с XI в., было представление о связи подданства и обряда крестоцелования. Один из самых ранних примеров употребления слова «измена» для описания отношений подданства встречается как раз применительно к крестоцеловальному договору. Когда летописец делал краткую запись на предпоследнем листе нынешнего Синодального списка Новгородской Первой летописи, он многозначительно исправил рассказ о распре Ивана Калиты с новгородцами в 1332 г. Во фразе «и в том взя Торжек и Бежичьский верх черес крестное целование» он выскоблил последние три слова (они сохранились в списках НПЛ младшего извода) и вместо них приписал «за новгородскую измену»⁴⁸. Надо полагать, сторонник московского великого князя обвинил новгородцев примерно в том же, в чем обвинил Москву ее противник⁴⁹.

Нарушение крестоцеловальных обязательств к середине XVI в. имело устоявшееся определение: *измена*. Однако за обрядом крестоцелования обычно скрывались отношения свободного выбора, предполагающие взаимные обязательства и взаимную ответственность обеих сторон. Сдвиг в направлении служебного подданства происходит, когда крестоцелование становится инструментом принятия на службу, в государево холопство, предполагающее безграничную власть государя над телом своего подданного, вытесняет сис-

Фомы Дружины Пантелеевича Петелина (август 1582 г.): РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 14. Л. 340–341. Отличия во втором случае – чтения «князь Ондрей или инои которои изменник и учнет», «да и землю государеву воевал еси».

⁴⁷ ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Стб. 76–77. Подробное рассмотрение летописной статьи 6488 г. и ее библейских отсылок, а также связи «лести» и религиозного злодеяния, бесовства в других летописных текстах см. в указанных выше работах П.С. Стефановича. Нарушение договора, как показывает исследователь, в летописании устойчиво коррелирует с вмешательством дьявола. Вместе с тем большое значение для интерпретации летописных представлений о предательстве играет то, что предатели неоднократно оцениваются как существа «хуже бесов», которые не переходят на сторону дьявола, а вместе с договором отрицают веру Бога и, таким образом, весь миропорядок, на что ни бесы, ни даже дьявол не покушаются. Появление в Галицко-Волынской летописи таких определений для нарушения договора, как «невера» или «неверство», с этой точки зрения вполне органично. Как представляется, для летописцев XI–XIII вв. сохранялась неоднозначность в оценке договора и его нарушения. Религиозная оценка летописца накладывалась на преступления, в которых сами же летописцы допускали далекие от религиозности интересы. Возможность для летописцев сравнить предателя с бесами служит отправным пунктом для рискованного, но все же необходимого различения религиозной семантики летописных оценок, с одной стороны, и сочетания религиозности и прагматизма в самом заключении договора, с другой.

⁴⁸ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 99 (л. 167), 344 (л. 202 об.).

⁴⁹ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 503.

тему горизонтального договора⁵⁰. Крестоцелование в той его форме, которая встречается в русских княжествах с конца XIV в., не предполагает сотрудничества между контрагентами, а является по сути присягой на верность. В московском обществе середины – второй половины XVI в. невозможно представить себе санкции против государства, которое не соблюдает принятых на себя посредством крестоцелования обязательств⁵¹.

Согласие государя с подданными достигается в правление Ивана Грозного квазидоговорным церемониальным покаянием и чрезвычайным крестоцелованием, причем покаянные церемонии и обряд крестоцелования приобретают разнообразные масштабы от приватного до общегосударственного. Приватным образом на государеву службу был принят воеводич виленский Я. Я. Глебович: в 1566 г. он целовал царю крест в присутствии митрополита Афанасия и был отпущен в Литву, но когда в Москве его заподозрили в двойной игре, московским дипломатам было наказано при встрече с Глебовичем объявлять его изменником⁵². Покаянная церемония после многодневных новгородских казней показательна как пример очищения от обвинений и квазидоговор власти с подданными, во время которого вместо целования креста обе стороны отпускают или перераспределяют грехи: 13 февраля 1570 г. царь обращается к «дряхлым и унылым» горожанам с призывом молиться за себя, своих детей и христолюбивое воинство, чтобы Бог даровал царю победу «на вся видимыя и невидимыя враги наша и сопостаты», «а судит Бог общему нашему изменнику и вашему Новгородскому архиепископу Пимину и его злым советником [и единомысленником], а вся та кровь взыщется на них изменниках, еже пролияна ныне бысть»⁵³. Покаяние снимает обвинение в измене с оставшихся в живых новгородцев и накладывает на них молитвенные обязательства в отношении власти. Необходимость в заключении этого «договора»

⁵⁰ Под «телом» здесь понимается в первую очередь та составляющая человека, которая поддается физическим манипуляциям. Это представление о теле, известное в России из европейской юридической традиции, имеет принципиальные отличия от церковного понимания телесной составляющей человека как образа и подобия Бога. Для государства тело его «холопа» может быть в целях «людского строения» полностью уничтожено, казнено, расчленено, подвергнуто пыткам, и таким образом является эквивалентной единицей в политэкономии власти. Преобразования в инструментах и технологиях насилия над телом в России нового времени заслуживает специального рассмотрения из предложенной здесь перспективы.

⁵¹ Церковь натолкнулась в своем праве апелляции и печалования на препятствия, в которых сочетались личные предпочтения Ивана Грозного и его ученые обобщения. Царь считал необходимым различать священство и государство и находил подтверждение своего понимания в истории древних иудеев: «Но единого Моисея, яко царя, постави владетеля над ними; священствовати же ему не повеленно, а Арону, брату его, повеле священствовати, людского строения ничего не творити» (ПИГАК. С. 21–22).

⁵² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 11. Л. 232–232 об., 312–312 об., 379–379 об.; Кн. 12. Л. 185–185 об., 291–291 об.; Кн. 14. Л. 342 об.

⁵³ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 344. Сходная версия «новгородской вины» отразилась в делопроизводстве царского архива и в переписке с Польско-Литовским государством, о чем подробнее в связи с «делом Петра Волынца» см.: *Auerbach I. Ivan Groznyj, Spione und Verräter...* S. 10–14.

появилась уже после того, как была совершена «измена». Сходным образом, опасаясь измены и не доверяя своим подданным, царь организует в Москве покаянный собор и общую присягу ливонских гарнизонов в 1580 г.⁵⁴ Отношение к крестоцелованию как принудительной мере, с помощью которой власть заставляет подданных приносить себе «клятвы страшные» и тем самым нарушать христианский запрет на клятву как таковую, отражает в своих сочинениях А. М. Курбский⁵⁵.

3) *Кто хотел царя «извести»*. В сентябре 1581 г. Иван Грозный писал Стефану Баторию, что «Курбской и Тетерин не для нашего окрутенства [жестокости – К. Е.] побежали, для своего злодейства, что были они на наш живот помыслили. И мы хотели их за измену казнити, и они от тово побежали»⁵⁶. Изменой царь называет в этом случае замысел покушения на жизнь государя. За это злодейство обоим преступникам следовала казнь, и якобы оба преступника знали о готовящейся расправе. Невозможно установить, как именно, по мнению царя, Т. И. Тетерин мог осуществить покушение на царя, уже будучи постриженным в монахи. Определеннее можно судить об обвинении в адрес Курбского. Его служебник Василий Шибанов говорит на допросе в Москве «про государя своего князя Ондreja изменные дела, что государю царю и великому князю умышлял многие изменные дела»⁵⁷. Царь обвинял Курбского в попытках завладеть Ярославлем, военных поражениях, содействии заговору Сильвестра и Адашева против царской семьи, а с 1569–1570 г. в содействии заговору Владимира Андреевича. Все эти преступления Курбский якобы «умышлял» еще до своего бегства. Очевидно, перед нами амальгама, в которой толи непроверенные подозрения выдаются за доказанную вину, толи обвинения вообще не имеют отношения ни к какому конкретному следственному делу, а выполняют лишь политическую роль.

⁵⁴ См. ниже п. 4.

⁵⁵ Клятвы верности опричников царю, по словам Курбского, включали обязательство «не знатись» с родителями, родственниками, друзьями, «и на таковых и паче тех прелютых ко крестному целованию принуждаше окаянных и безумных» и исполнять все пожелания царя (ОР ГИМ. Собр. А.С. Уварова № 301. Л. 111 об.). В «Истории» эти события получают объяснение вмешательством дьявола, ослепившего сначала Ивана Грозного, а затем с его помощью «тех окаянных». Видимо, Курбский считает нарушением христианской этики крестоцеловальные грамоты сходные с теми, в которых на условиях поруки придворный давал обещание нести верную службу и не выезжать «в Литву» и другие соседние государства. «Скверными и проклятыми заветными грамотами» в его «Истории» названы какие-то документы, которыми подтверждалось заключение удельных родичей Ивана III. Анализ прилагательного «проклятый» и родственных ему в Сборнике Курбского показывает, что писатель определял с его помощью явления с наиболее негативной окраской. Согласно Курбскому, в окружении царя после уничтожения Избранной рады появляются «проклятые опричники», для суда над митрополитом Филиппом собираются соборщики иереев Вельзевула и «проклятое сонмище согласников Каияфиных», царя за его злодеяния ожидает в числе прочих бед «проклятие и нареkanie слезное ото всего народа» (ОР ГИМ. Собр. А.С. Уварова № 301. Л. 74 об., 76 об., 105 об.–106 и др.).

⁵⁶ РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 276.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 334 (л. 63 об.).

Чего могли ожидать посягнувшие на жизнь государя? Алексей Адашев и князь Владимир Старицкий, которые подозревались в покушении на жизнь государя и представителей царской семьи, были отравлены при таких обстоятельствах, как если бы они совершили самоубийство. Курбский посвятил отрывок своей «Истории» оправданию своего друга Адашева от обвинений в самоубийстве⁵⁸. Князя Владимира Андреевича, согласно посланию Иоганна Таубе и Элерта Крузе, перед расправой успокаивала его жена Авдотья Одоевская: «Ты должен принять смерть и выпить яд, и это делаешь ты не по своей воле, но убивает тебя своей рукой тот, кто дает тебе его пить»⁵⁹. В обоих случаях имело место инсценированное самоубийство. Гибель – и сама форма наказания – двух первостепенных политиков Ивана Грозного как-то связана с обвинением в попытке «известить» царский род. Интересно, что преступление Курбского и связанного с ним временем и обстоятельствами эмиграции Т. И. Тетерина отождествилось в сознании царя с замыслами «собацкого собрания» А. Ф. Адашева и благовещенского протопопа Сильвестра и с заговором старицкого князя. Тем болезненнее могло звучать для царя брошенное ему Курбским обвинение в братоубийстве и уничтожении собственного рода вплоть до царевичей («уже на острию сабли») ⁶⁰. Одно из самых страшных преступлений, отождествлявшихся с понятием государственной измены, – покушение на жизнь и здоровье царя и его семьи Курбский перекладывает на совесть Ивана Грозного.

4) *Кто от царя «отпал»*. В понятие «отпадение» входили любые действия, которые могли рассматриваться как попытка занять трон или содействовать узурпации власти. При этом военное поражение, сдача населенных пунктов и плен в определенных обстоятельствах рассматривались как измена не только против действующей власти, но и в пользу ее иноземных и внутренних противников⁶¹. Внутренние враги для царя Ивана связаны с внешним неприятелем. В царских посланиях и посольских наказах обвинения в заговоре и военные неудачи переплетены и скреплены общими целями. Например, восстание изменников в пользу князя Андрея Старицкого было поддержано на фронте: «Потом же изменным обычаем недругу нашему литовскому державцу почали вотчину нашу отдавати, грады Радогощ, Стародуб, Гомей: и тако ли доброхот-

⁵⁸ ОР ГИМ. Собр. А.С. Уварова № 301. Л. 67 об. и сл.

⁵⁹ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Пг., 1922. С. 47.

⁶⁰ См.: *Auerbach I. Gedanken zur Entstehung von A.M.Kurb skijs Istorija o velikom knjaze Moskovskom* // *Canadian and American Slavic Studies*. 1979. Vol. 13. № 1–2. S. 171; *Елицеев С.А.* О времени создания А.М. Курбским «Истории о Великом князе Московском» // *История СССР*. 1984. № 3. С. 151–154; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998. С. 44.

⁶¹ Как показывает О. П. Бакус, сдача городов противнику законодательно оценивается как измена в Судебнике 1550 г., а в Соборном Уложении 1649 г. упоминаются также военный переворот, сотрудничество с врагом, поджог города с изменнической целью – преступления, за которые санкционирована смертная казнь с конфискацией недвижимости и движимости преступника (*Backus O. P. Treason as a Concept...* P. 139, 141).

ствуют?»⁶². Закрепленное Судебником 1550 г. определение военной измены, как показывают эти слова Ивана Грозного, возникло под влиянием событий «Стародубской войны»⁶³. Польско-литовские дипломаты оправдывали побег Курбского, исходя из московского понятия измены: «изменник то, которые города сдают, да отъезжают, а Курбской от горла побежал, и та измена легка»⁶⁴. Ограничивается ли состав преступления подлинных изменников передачей города в руки противника и переходом на его сторону?

На этот вопрос в России второй половины XVI в. отвечают посольские тексты. Питательной средой измены в посольских обращениях к польско-литовским королям признано окружение старицкого князя Владимира Андреевича: «Князь Володимер от нашего роду ишел, да толко от нас подалеку. И что его противку нам непригожее дело было, ино потому так стало. А которые с ним бояре были в думе и люди, и те нашего гнева побоявся да к королю прибежали. Ино то ли его нескладка с нашими израдцами, что которые нам израдили и он тех хвалит да на нас пеняет, что мы их израдцами зовем. А их как не звати израдцами, коли они города поздавали да к чужому государю отехали, а он их на то и пушал, чтоб и иные, на то смотря, нам израживали. Толко б не на тое израду он надеялся, и он бы нас так не воевал»⁶⁵. Здесь замечен переход в значении «израды» от политического заговора сторонников удельного князя Владимира к военному предательству с упором на все те же два злодеяния, не вызывающие сомнений у обеих сторон. Изменником должен считаться тот, кто сдал город и отъехал к чужому государю⁶⁶. Преступление Владимира Андреевича прямо изменой не названо, а определено как «непригожее дело». В других случаях подчеркивается, что старицкий князь и его мать Ефросинья умышляли над государем и его детьми «всякое лихо, хотели государя и его государских детей испортити, да воры из бояр к ним пристали»⁶⁷. Замысел учинить «лихо» и «испортить» царя и его детей подпадает под определение «изменного» деяния, направленного против здоровья государя и его семьи⁶⁸. Однако для дипломатических партнеров состав преступления мог быть неочевиден. Учитывалось и то, что такого рода преступления польско-литовская сторона не признавала «израдой». Обвинение в адрес давно убитого политического противника служит подспорьем для заявления о явном злодея-

⁶² ПИГАК. С. 27 (л. 312 об.).

⁶³ См. подробнее: Кром М. М. Стародубская война (1534–1537 гг.) // Очерки феодальной России. Вып. 3. М., 1999. С. 85–148.

⁶⁴ СИРИО. Т. 71. С. 540; *Auerbach I. Ivan Groznyj, Spione und Verräter...* S. 21.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 284.

⁶⁶ Об отъезде подробнее см. ниже п. 5.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 10. Л. 457.

⁶⁸ Т. е. относится к категории изменных деяний, рассмотренных выше в п. 3. В наказном списке посольства М. Д. Карпова история заговора Владимира Андреевича также является введением к наказу относительно государевых изменников: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 10. Л. 457–457 об.

нии⁶⁹. Страх перед расправой толкнул сторонников старицкого князя на измену, которой содействовал король Польско-Литовского государства. Ни старицкий князь, ни польский король не совершили тех поступков, которые подпадают под определение измены. И все же оба они содействуют преступлению, первый – отделяя «бояр» и «людей» от их государя, второй – принимающая и опекая изменников, показывая пример и «надеясь на израду».

Царь подозревал или навязывал мнение, что сдавая противнику города, его воеводы осуществляли политический заговор. В связи с этим особый интерес представляют события в Московии в 1580 г., описанные хроникером похода Стефана Батория. Царь, согласно этому рассказу, потерял доверие к подданным. В Польшу он отправил гонца, надеясь до крупных военных действий провести переговоры и заключить мир. А сам созвал со своей земли «всех владык, митрополитов, просил у них прощения, признаваясь в своих грехах, каясь Господу Богу, особенно в тех убийствах, которые совершал над ними, своими подданными». Царь обещал быть «добрым», ему отпустили грехи. В Ливонию тогда же был послан от царя какой-то князь, чтобы «все люди» присягнули перед ним в верности царю, что они будут «до смерти бороться против короля и его войска»⁷⁰. Нашествие королевских войск, согласно этой версии, было воспринято царем как наказание Бога, а собор покаяния возвышается над последующими событиями как духовное очищение перед войной против общего врага. Присяга («*aby ludzie wszyscy... przysięgali...*») для московского военного права середины – второй половины XVI в. избыточна. Она показывает, что царь подозревал свое воинство в измене. Эти подозрения подтверждались: Велиж и Усвят сдались королю без значительного сопротивления⁷¹.

Недовольство Ивана Грозного вызывала не только милость короля к царским изменникам, но и призыв короля не считать изменников изменниками. Этот призыв находит подтверждение в выступлениях московских эмигрантов. Князь А. М. Курбский негодовал в Первом послании Ивану Грозному, что на православных царь клеветает «изменами и чародействами»⁷²; в «Истории» Курбский пишет: «и аще нам не веришь, нарицающе нас туне изменни-

⁶⁹ Таким образом, московская дипломатия показывает, что деяние Владимира Старицкого является частью измены и по своей причастности к измене само может считаться изменным деянием (см. ниже п. 8). Однако оговоркой «а их как не звати израдцами» делается уступка дипломатической условности, которой придерживается противная сторона. Не признавая в окружении царя израдного преступного заговора, она не может не признать тот факт, что результаты этого заговора имеют в качестве своего прямого последствия измену.

⁷⁰ Biblioteka Jagiellońska. Rkps 107. S. 353.

⁷¹ Воеводы Усвята, уже когда замок сдался, отказывались уходить со своих постов, видимо, страшась обвинений в измене, которые могли настичь их даже в плену: «*Woiewody acz Je^o K. M. na łaskę przyiąć raczył, wszakże iż ci z zamku zisdź nie chcieli, aż ie zwiedziono, tedy ie Król Je^o M. do Witepska odesłał, wszakże ie dobrze chować roskazał*» (Biblioteka Jagiellońska. Rkps 107. S. 351).

⁷² ПИГАК. С. 7 (л. 5 об.).

ками прелукавыми...»⁷³. В. С. Заболоцкий заявляет московским послам в 1579 г., что в отличие от Агиша Сарыхозина изменником не является – правда, послы обвиняют его в измене православию и требуют отослать от себя⁷⁴. Перебежчики, как Курбский, так и Заболоцкий, допускают категорию измены и признают, что в их окружении или в окружении царя есть изменники. Оба высокопоставленных эмигранта прикладывают усилия, чтобы в первую очередь доказать непорочность своей военной службы, показывая тем самым, в какой сфере обвинение в измене было наиболее острым⁷⁵.

5) *Кто от царя «побежал»*. Сбежавшим считался всякий служилый человек, предпринявший попытку без опасной грамоты, посольского поручения и военной необходимости пересечь границу⁷⁶. Андрея Ивановича Старицкого в 1537 г. якобы злые советники подговаривали к тому, чтобы он бежал в Новгород. Обвинений в измене в отношении удельного князя в летописи нет⁷⁷. Царь Иван в Первом послании Курбскому также не называет дядю изменником и говорит: «Тако же потом дядю нашего, князя Андрея Ивановича, изменники на нас подъяша...»⁷⁸. Служилому человеку обвинения в измене в этом случае можно было избежать только по личному обращению виновного к царю и при печаловании высшей духовной власти. Прощения добились князя Михаил Васильевич Глинский и Иван Иванович Турунтай Пронский, предпринявшие в 1547 г. попытку эмигрировать после убийства Юрия Глинского в московском восстании. В официальной летописи их поступок изменой не назван⁷⁹. В мае 1564 г. из Юрьева Федор Бутурлин «с товарищи» пишет, что «из Юрьева боярин и воевода князь Ондрей Курбской государю царю и великому князю изменил, из Юрьева побежал апреля в 30 день, в ночи, в немецкой город к государьскому недругу к литовскому королю»⁸⁰. Бегство само по себе считалось изменой, даже если эмигранты с этим не соглашались.

⁷³ ОР ГИМ. Собр. А.С. Уварова, № 301. Л. 75.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 11. Л. 117–118 об. См. ниже п. 6.

⁷⁵ Показательно также письмо В.С. Заболоцкого Я.И. Ходкевичу от 5 мая, сохранившееся в корреспонденции Ходкевичей между письмами 18 апреля и 13 мая 1576 г. Заболоцкий заявляет, что осведомлен от короля о готовящихся военных действиях против Москвы и что король сам без чьих-либо уговоров собирался ехать на границу со своим двором, тогда как какие-то слухи распускают изменники, которые не желают добра ни королю, ни отчизне: «*tha thakowe głosy nie pewne zły ludzie przed w m puszczaią thedy krol Je^o moszcz sie themu nie dzywuje y zdraycam wszysztwym iest then obyczay który nie zyczą any kroliewy papu swemu any oyczyznie swei między liudzy uczczywymy wsiewaią*» (Biblioteka PAN/PAU w Krakowie. Rkps 355. S. 69).

⁷⁶ Законодательно такая форма измены в России определена только Соборным Уложением 1649 г.: *Backus O. P. Treason as a Concept...* P. 139–140.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 29–30 (л. 127–129 об.), 132–133 (л. 187–196 об.).

⁷⁸ ПИГАК. С. 27 (л. 312 об.).

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 29. С. 54–55 (л. 181 об.–182 об.), 153–154 (л. 281 об.–282, 443 об.–444).

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 29. С. 334 (л. 63).

Интересно сопоставить названный выше протест Заболоцкого против обвинений в измене с признанием Ивана IV в его переписке с королем Стефаном Баторием в сентябре 1581 г.: «А Володимер Заболоцкой розбранясь с своею братею да побегал, а не от нашии опалы»⁸¹. Вплоть до гибели Заболоцкого в 1580 г. его постоянно упоминает московская посольская служба как первоочередного изменника наряду с Андреем Курбским и Тимофеем Тетеринным⁸². Сам себя изменником Заболоцкий не считает, видимо, как раз потому, что причиной его ухода с царской службы стало не военное предательство, а семейный раздор. Бывший московский придворный отказывался признавать, что в изменника его превратил «отъезд» от государя⁸³.

б) *Кто воевал против православия*. Измена православию, вероотступничество заслуживает специального рассмотрения как религиозное преступление. Однако в России XVI в. складывается представление о двуединстве политического подданства и религиозной принадлежности. Уйдя от своего государя, изменник не может не изменить православию. Многие московские перебежчики в Великом Княжестве Литовском сохраняли преданность восточному христианству, в их числе А. М. Курбский, В. С. Заболоцкий, У. В. Сарыхозин⁸⁴. С точки зрения Посольского приказа, вероисповедание изменников становилось жертвой их злодеяния: «Да памет Ондрею [гонцу А. Т. Михалкову – К. Е.]. Нечто учнет с ним говорити княз Ондрей Курбской или иной которой государев изменник, и ему говорити: с ызменником что говорити, вы своею изменою на церков стали, веры христьянские забыли, и христьяном с вами что говорити. А болши того Ондрею ничего не говорити с ними. А то говорити с Курбским или с ыным с отрадным. А с худым с которым изменником и того ничего не говорити, худему излаяв да плюнув, поити проч»⁸⁵. Изменники – не христиане и не могут быть ими уже в силу содеянного. Они «забыли» Бога, православное христианство, государя, свою душу, свое прирождение, свою землю и «преступили» крестное целование⁸⁶.

Изменники, как заявляет власть, опасны для всего общества, поскольку именно они «наводят» врагов, подушают соседних правителей на войну против своих соотечественников. Им вменяется срыв мирных переговоров, нару-

⁸¹ РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 276 об.

⁸² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 10. Л. 17 об.; Кн. 11. Л. 105–105 об., 116–117, 230–231, 310–311; Кн. 13. Л. 52, 333 об.

⁸³ Об отношении в Москве к изменникам, выехавшим во время войны на службу в Польско-Литовское государство, подробнее см.: *Ерусалимский К. Ю.* Ливонская война и московские эмигранты в Речи Посполитой // *Отечественная история*. 2006. № 3. С. 71–89.

⁸⁴ Об А. М. Курбском см.: *Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. Andrej Michajlovič Kurbskij und sein Kreis // *Kurbskij A. M. Novyi Margarit. Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift*. Giessen, 1990. Bd. 4. Lief. 15–17. S. 13–190. О В. С. Заболоцком: *Biblioteka Czartoryskich. Teki Naruszewicza*. Rkps 79. S. 551 (пагинация сбита!). Об У. В. Сарыхозине: *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 11: XVI век. СПб., 2001. С. 518, 520, 522.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 10. Л. 531 об.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 11. Л. 230–231.

шение мирных соглашений. Они «многие крови крестьянские проливают»⁸⁷. В этом качестве прославился князь С. Ф. Бельский, вместе с И. В. Ляцким бежавший из Русского государства в 1534 г. Семену Бельскому в Москве приписывали наведение врагов христианства на русские земли, особенно во время похода Сахип-Гирея 1541 г. Московские князья Бельские, братья Семена Иван и Дмитрий, предпринимали усилия, чтобы уйти от обвинений в содействии измене. Но вряд ли это вполне удавалось. Князь Иван Федорович был захвачен сразу же после бегства его брата как раз по подозрению в содействии измене⁸⁸. В мае 1541 г. И. Ф. Бельский вымаливает через митрополита Иоасафа прощение для своего брата, «что он по грехом своею молодостию от великого князя дерзнул отъехати»⁸⁹. Князя Семена в Крыму не нашли, но он стал в том же году инициатором похода хана на русские земли⁹⁰. Появление крымского войска под стенами Москвы могло быть предлогом, которым воспользовались сторонники И. В. Шуйского в январе 1542 г., чтобы отстранить митрополита Иоасафа и уничтожить политически, а затем и физически Ивана Бельского⁹¹. Д. Ф. Бельский, не пострадавший в 1534 г. и вышедший навстречу брату во главе великокняжеского войска в 1541 г., тем не менее снискал печальную славу изменника своими походами на Казань – слухи приписывали ему сговор с татарами, по которому они во время своих набегов обходили стороной его владения⁹². Иван Грозный сравнивал А. М. Курбского с С. Ф. Бельским и И. В. Ляцким, хотя к 5 июля 1564 г. государев изменник еще не проявил себя как королевский ротмистр⁹³.

Неоднократно упоминаются как изменники царя Сарыхозины. Умар (Марк) и Агиш (Анисим) Васильевичи Сарыхозины прославились дерзким

⁸⁷РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 14. Л. 46 об.

⁸⁸ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 83.

⁸⁹Там же. С. 136–137.

⁹⁰Подробнее см. о кн. С. Ф. Бельском: *Backus O. P.* Treason as a Concept... P. 124–137; *Кром М. М.* Судьба авантюриста: Князь Семен Федорович Бельский // Очерки феодальной России. М., 2000. Вып. 4. С. 98–115; *Зайцев И. В.* «Позабыв Бога и наше жалование, и свою душу...» (Приключения князя Семена Федоровича Бельского) // *Ad fontem / У источника*. Сб. ст. в честь чл.-корр. РАН Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 298–317.

⁹¹ПСРЛ. Т. 13. С. 140–141.

⁹²*Карамзин Н. М.* История Государства Российского. СПб., 1842. Кн. 2. Т. 8. Стб. 75; Примечания к VIII тому. Стб. 35. Прим. 223.

⁹³ПИГАК. С. 27 (л. 312 об.). О.П. Бакус делает акцент на попытках московских властей выманить перебежчика или устроить его возвращение в Московию за выкуп: «В таких обстоятельствах, однако, даже содействие Московии в организации покушения на Бельского вряд ли может рассматриваться как ясное свидетельство в пользу того, что в Бельском виде изменника» (*Backus O.P.* Treason as a Concept... P. 135). Однако тридцать лет спустя после побега Бельского и Ляцкого Иван Грозный видит в Семене Бельском именно изменника. Значит ли это, что отношение к событиям 1534–1541 гг. изменилось в течение нескольких лет, или оно почерпнуто царем из современных оценок, которые просто не отразились на тексте официальной летописи 1530–1540-х гг., или оно сформировано непосредственно под влиянием Ивана Грозного?

захватом Изборска⁹⁴, Агиш воевал в Ливонии «противъко москвы»⁹⁵, а Умару в московском посольском ведомстве приписывали зверские нападения на Заволоцкий и Ржевский уезды, которые он совершал даже после заключения Ямзапольского мира⁹⁶. Вызывает интерес тот факт, что признанные в России «изменники» Курбский и Заблоцкий косвенно признавали понятие военной измены и преступления против православия. Заблоцкий ссылался на Сарыхозина в каком-то смысле как на военного преступника, а Курбский уверен, что служил верно и «отогнан от отечества» по ложным обвинениям. Курбский не признал в отношении себя и самое популярное от летописной записи за май 1564 г. до Повести о приходе Степана Батория на град Псков обвинение в преступлении против православия, но признал меру преступности самого деяния (сожжение храмов и монастырей, убийство духовных лиц)⁹⁷.

7) *Кто раскрывал государевы «тайны»*. Государство в годы войны старательно засекречивало свое настоящее и прошлое. К прошлому были приставлены своеобразные хранители-ключники, которым было поручено под определенным контролем высшей духовной и светской власти разгадывать знамения и излагать события⁹⁸. Свои собственные поступки государь излагал сам или поручал заносить в летописец «лет новых» личному духовнику протопопу Андрею, ближним советникам А. Ф. Адашеву, И. М. Висковатому, И. Ф. Мстиславскому⁹⁹. Посольское ведомство было особенно встревожено теми изменниками, которые обладали доступом к сведениям о Русском государстве. Тем очевиднее и нестерпимее для царя было преступление Андрея Курбского, который вызывающе отказался молчать о делах своего бывшего государя и заявил, что его деяния «неслыханны от века». Посольское ведомство в годы опричнины делало все, чтобы данные о внутренней политике не просочились за рубеж. Посольство М. Д. Карпова, П. И. Головина и К. Г. Грамотина получило в 1581 г. наказ на вопрос о строительстве двора государя под Москвой намекнуть о превратных устных рассказах московских перебежчиков королю: «Те у вас слова, панове, от нашего государя изменников, что затеют, а вас ложью оболстят, и вы тому верите, а ставите такие бездельные слова все в дело, и тех речей слушати нечего. Государя вашего люди, ко-

⁹⁴ Штаден Г. Записки немца-опричника / Сост. и коммент. С. Ю. Шокарева. М., 2002. С. 53.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 389 (Литовская Метрика). Оп. 1. Д. 64. Л. 204–204 об. (24 июня 1579 г.).

⁹⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 14. Л. 46 об., 103 об.

⁹⁷ ПИГАК. С. 108–109 (л. 143 об.– 144).

⁹⁸ Ерусалимский К. Ю. Понятие «история» в русском историописании XVI века // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 2003. С. 365–401.

⁹⁹ СИРИО. Т. 71. С. 639; *Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie*. *Archiwum Radziwiłłów*. Dz. II. № 66a. S. 2; Горсей Д. Записки о России. XVI – начало XVII в. / Под ред. В.Л. Янина; Пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М., 1990. С. 20, 50; Граля И. Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в. / Перевод Л. И. Леньшиной. М., 1994. С. 310–311; *Lulewicz H. Gniewów...* S. 46; *Хорошкевич А. Л. Россия...* С. 540–542.

торые ко государю нашему приехав, да чего не говорят про государя вашего, а говорят много и правды. Да государь наш как есть государь христьянский некоторых таких речей баламутных ни у кого не слушает и бояром своим слушати не велит, а вы сами ведаете, как захотите»¹⁰⁰. В ответе от сентября 1581 г. на «укоры» и «лаи» королевского послания Иван Грозный также предполагает, что дурную славу ему создают изменники: «Или хто будет ему израдца наш, отбежавши от нас, сказал ему негараздо или его гонец или посланник негараздо сказывал, и он то все в правду поставил, и мы противу его укоризны писати не хотим»¹⁰¹. Государству нужно было научить своих людей молчать, поскольку любой из них мог, не подозревая о том, нарушить уже существующие границы между своим и чужим. Идеальный служащий отныне говорит по наказу, а перейдя на службу к иноземному государю, ведет себя, как предписывалось в июле 1583 г. вести себя московским кречетникам, если король Стефан Баторий вдруг попросит какого-нибудь из них остаться у него при кречетах: «чтоб жил крепко и не пил много, ничего не розговаривал ни о каких делех»¹⁰².

8) *Кто «пристал» к изменникам*. Так определяются все, кто был с ними в родстве, мог знать об их умысле, вступил с ними в сговор и как-либо поддерживал их. Андрей Курбский пишет в «Истории», что гонения после уничтожения *избранной рады* начались с фабрикация дела против всего окружения бывших советников царя: «А наш новоявленный зверь первые начал сродников Алексеевых и Селивестровых писати имяна, и не токмо сродных, но о ком послышал ото лжеклеветников своих, и друзей, и соседей знаемых, аще мало знаемых, многих же отнюдь и не знаемых, их богатств ради и стяжаний, оклеветаемо от тех, многих имати повелел и мучити различными муками; а других множайших ото именей их и от домов изгоняти в дальные грады»¹⁰³. Уничтожение всех «знаемых», «мало знаемых» и «отнюдь и не знаемых» изменника допускается и в некоторых случаях проводится весьма методично, что ясно из мартирологов «Истории» Курбского и синодиков опальных. Курбский раскрывает механизм казней в «Истории вкратце», помещенной в качестве предисловия к переведенному в его кружке «Новому Маргариту»: царские приспешники не только оклеветанных «без суда осуждают и казни предают, но и до трех поколений от отца и от матери по роду влекомых осужают и казнят, и всеродно погубляют, не токмо одинаколенных [гlossa а: южиков], но аще знаем был, и сосед, и мало ко дружбе причастен»¹⁰⁴. Даже «малая причастность» к измене позволяет принимать самые жесткие решения в отношении по-

¹⁰⁰РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 10. Л. 454–455.

¹⁰¹РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 284 об. 285.

¹⁰²РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 14. Л. 694 об.

¹⁰³ОР ГИМ. Собр. А.С. Уварова № 301. Л. 79 об.

¹⁰⁴*Kurbckij A. M. Novyj Margarit: Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbuteler Handschrift / Hrsg. von I. Auerbach. Giessen, 1976. Bd. 1. Lfg. 1. Bl. 1v/21 – 2/2.*

дозреваемого. Князь Иван Шуйский оказался под подозрением в измене и был «сведен» из Смоленска «для того, что от него человек збежал в Литву»¹⁰⁵.

Изменником мог стать любой царевич, брат царя и временщик, если на него падало подозрение в попытке «превратить слово» царя. Об этом был дан ответ А. Поссевино, когда он передал грамоты от Григория XIII царевичам. Их писать в грамоту, как заявили ближние люди царя, не следовало, поскольку Иван «государским именем не почтен», а Федор «того возрасту не дошел», но главное: «Занже наше слово ни от ково не превратно будет, а не потому, как в ыных государствах дети и братья и властодержцы превращают, а в нашем государстве того не будет»¹⁰⁶. Интересно, что в 1560 г. «властодержцы» *избранной рады* обвинялись в измене, на протяжении 1550-х и 1560-х годов поиски измены велись в окружении «брата», а в следующее десятилетие вплоть до ноября 1581 г., когда закончился «перебор людишек» и братьев не стало, неоднократно заменялись двор и жены царевича Ивана. Убийство царевича обычно не связывается с подозрениями в измене, но такая версия представляется нам вероятной. Иван Грозный был недоволен, что к нему непосредственно была адресована грамота римского папы. 24 февраля 1582 г. А. Поссевино напомнил Ивану Грозному перед отъездом из России, что к римскому папе «с Старицы Иван царевич отписал, который тепер в царствии небеснем»¹⁰⁷. Переписка царевича с Римом за спиной царя была подозрительным деянием из ряда тех, которые совершаются «в ыных государствах», где вместо монархов правят их дети, братья и властодержцы.

Подводя предварительный итог рассуждениям, следует отметить, что ошибочно было бы говорить о восприятии властью религиозных полномочий. Как раз обратное намечается в сочинениях Ивана Грозного, который настаивал на разведении власти светской (ср. Моисей) и духовной (ср. Аарон). В эсхатологической перспективе, в обстоятельствах чрезвычайной мобилизации, в которой почти неразличимы религиозные и материальные страхи, возникло *государственное тело* и сопровождавшее его качество *государева подданного*. Царь, в отличие от церкви, блюдет чистоту не духовного тела и души, а государственного тела и помыслов. Новое государственное качество человека окружено запретами, из которых само государство черпает свои полномочия. Подданный должен каждый день вспоминать государя в молитве, видеть его, слушать его голос и тексты его указов, за его отчину как свое отечество должен отдать жизнь в бою и ради него искоренять измену. Последнее не должно составлять труда, поскольку изменником может считаться всякий, кто говорит о государе «невежливо», раскрывает государевы «тайны», кто ему «не прямит», хочет его «извести», кто от него «отпал», «побежал», кто

¹⁰⁵ СИРИО. Т. 71. С. 605; *Auerbach I. Ivan Groznyj, Spione und Verräter...* S. 21–22.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 154.

¹⁰⁷ Там же. Л. 397 об.

«воевал на православие» и просто «пристал» к изменникам. В повседневной жизни был сформирован механизм контроля и расправы, сопоставимый с Пан-оптикумом эпохи Просвещения, но несомненно, гораздо менее рациональный.

Категории измены и подданства не могли не сказаться на восприятии ошибок, допускаемых властью, поскольку царь сам находился в рамках служебной схемы и в определенных обстоятельствах мог рассматриваться как изменник. Страх Ивана Грозного перед тотальной изменой выразился, например, в дипломатическом поиске возможного убежища в Англии, на что королева Елизавета Тюдор соглашалась, но давала понять, что в ее государстве подобная инициатива рассматривалась бы как измена. Современники прочитывали как измену царя православному государству опричный террор, приближение к трону высшей татарской знати, колдовство в окружении царя¹⁰⁸. Сходные модели восприятия власти в Европе обнаруживаются в образе французского «короля-колдуна» Генриха III, политических трактатах иезуитов и т. д.

Отношение подданных других стран к своему государю как изменнику вызвало живой интерес и отразилось в посольских текстах XVI в. Посольскому приказу был известен пример отношения Панов Рад к Стефану Баторию после его предполагаемой попытки к бегству «в Семиграды» в 1583 г. «о Вознесеньеве дни» во время охоты. Короля перехватили паны, и распространился слух, что король «хотел, дей, задатся за турского, и на Польшу и на Литву хотел приходити с турскими людми и всю землю обладать и владети один; а говорил: яз, де, так же хочю владети, как и московской государь, не паны б были болшие, яз бы, дей, был болшой»¹⁰⁹. Король Стефан в этот момент не мог найти такую социальную опору, как Иван Грозный перед учреждением опричнины, и ему пришлось оправдываться: «собаки, дей, у меня загналися, и яз за ними ежжу»¹¹⁰. При всей зеркальности русских и польских событий в посольском описании спецификой политических отношений в Речи Посполитой в московских представлениях было восприятие короля как изменника: «и с тех, дей, мест паны от короля блюдутца израды и берегут его накрепко по четыре паны добрых на ночь»¹¹¹. Этот рассказ записан посланниками во главе с С. Г. Ододуровым со слов смоленского купца пана Андрея Барышникова. Но слух об измене короля передавался в иных формах и русскими пленными в Речи Посполитой.

¹⁰⁸ См., например: ПСРЛ. М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 262.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 14. Л. 759 759 об.

¹¹⁰ Там же. Л. 759 об.

¹¹¹ Там же.